

МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ (ХРАПОВИЦКИЙ)

ХРИСТОС СПАСИТЕЛЬ И ЕВРЕЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ¹

Но, если Господь принял несправедную казнь от еврейских шовинистов-революционеров, то казнь эта была несправедна вдвойне, потому что Спаситель был тоже иудейским патриотом и Его учение не исключает преимущественной любви к отечеству и своему народу, но велит соединять ее с любовью ко всему человечеству и с ревностью о всеобщем спасении, как Он пояснил жене самарянской (Ин. 4, 21-23) и как чувствовали, мыслили и действовали и продолжают действовать истинные русские патриоты.

13 мая 1921 г.

I

Всем известно, что евангельские сказания о земной жизни Господа Иисуса почти одинаковы в первых трех Евангелиях, но разнятся по содержанию от четвертого; не в том, конечно, смысл, чтобы первые противоречили последнему, а в том, что Ап. Иоанн сообщает о речах и событиях, умолченных в первых трех Евангелиях, и умалчивает о большинстве тех, кои излагаются тремя первыми евангелистами. Однако между первыми тремя и последним не только нет противоречий, но внимательный исследователь Евангелий легко заметит, что св. Иоанн предполагает своего читателя знакомым со сказаниями Матфея, Марка и Луки и дополняет последние либо снабжает пояснительными замечаниями свою речь о тех немногих событиях, которые описывают и

он, и первые евангелисты, как, например вход Господень в Иерусалим, Тайную Вечерю, посещение Петром Гроба Господня и др. Вообще нужно сказать, что, начиная с описания Входа в Иерусалим и предательства Иуды, сказания всех четырех Евангелий сливаются теснее, чем в описании событий предшествовавших. Зато из прежде совершенных чудесных деяний Христовых только одно чудо насыщения пятью хлебами пяти тысяч народа и хождение Спасителя по водам описано всеми четырьмя евангелистами. И вот это-то событие дает нам ключ к раскрытию поставленного в заголовке предмета и, кроме того, поясняет нам отношение Евангелия от Иоанна к первым трем.

Действительно, в первых трех Евангелиях чудо хождения по водам является единственным чудом, совершенным как бы без определенной цели: чувствуется что-то недоговоренное, и недоговоренное сознательно. Это приходит на мысль читателю Евангелий, особенно ввиду одного выражения, вышедшего из-под пера и Матфея, и Марка: “И тотчас (после чудесного насыщения народа) понудил Иисус учеников своих войти в лодку и отправиться прежде Его на другую сторону” и пр. (Мф. 12, 22; Мк. 6, 45). Почему поспешность и настойчивость? Об этом умолчано; умолчано у трех евангелистов и о том впечатлении, которое было произведено на народ чудесным насыщением, хотя при изложении других чудесных событий, например исцеления расслабленного, спущенного чрез крышу, глухонемого, также воскрешения сына вдовы Наинской и др., три первых евангелиста постоянно упоминают об этом. Здесь же о впечатлениях свидетелей чуда говорит только Иоанн, и из его слов ясно, что это чудо преимущественно пред всеми прочими возбудило народный восторг и веру в Спасителя, хотя, как увидим, ненадолго.

В чем же заключается Иоанново пояснение чуда хождения по водам? Оно очень кратко, всего 10 слов, но из них легко понять, почему имело место и это чудо, и настойчивая поспешность Иисуса Христа в отправке учеников чрез озеро и почему прочие евангелисты оставили все это без пояснения.

“Люди, видевшие чудо (насыщения), сотворенное Иисусом, сказали: это истинно Тот Пророк, Которому должно прийти в мир. Иисус же, узнав, что хотят прийти, нечаянно взять Его и сделать царем, опять удалился на гору один” (Ин. 6, 14-15).

Конечно, свое решение о провозглашении Христа царем евреи отложили до утра; они бы не допустили Спасителя удалиться от них в лодке, но были, вероятно, довольны тем, что Он отправил от Себя учеников и, оставшись с иудеями один, еще менее мог бы сопротивляться их намерению.

¹ Печатается по: Антоний, митрополит. Христос Спаситель и еврейская революция. Берлин, 1922.

Почему же три евангелиста умолчали о причине чудесного хождения Господа по водам, которая, как видим у Иоанна, заключалась в желании Господа избежать их рук и насильственного воцарения? Умолчали по тому же побуждению, как и о воскрешении Лазаря, и о последовавшем затем смертном приговоре над Спасителем, и о воспламенившемся против Него гневом народном, когда Он допустил язычникам в Своем лице надругаться над излюбленной мечтой народа о национальном царе, т.е. после возгласения Пилата: “Се царь вам!” Обо всем подобном приходилось умалчивать, пока продолжало существовать иудейское государство, ибо пояснение этой стороны событий Христовой жизни было бы равносильно доносу на подготавливавшееся тогда” народное восстание, на общенародное революционное настроение, вдохновляемое и подогреваемое Синедрионом и книжниками. Священные писатели, ученики Христовы, вполне разумно ограждали себя от подозрения враждебных иудеев в способности к предательству, к доносу на подготавливавшееся великое восстание иудеев против римского владычества, вспыхнувшее со всею силою в 67-м году по Р. Х. Так поступали они и при сообщениях о земной жизни Христовой и в дальнейшей своей деятельности. Когда, например, апостол Павел прибыл в Рим, то счел долгом при первом же своем свидании с соотечественниками пояснить, что явился на суд Кесаря “не с тем, чтобы обвинять в чем-либо свой народ” (Деян. 28, 19), но с тем, чтобы самому оправдаться.

Подобная осторожность была уже совершенно не нужна в то время, когда писалось четвертое Евангелие, т.е. после разрушения Иерусалима и еврейского царства Веспасианом и Титом. Не нужно уже было умалчивать св. Иоанну и о тех сторонах евангельских событий, за описание коих могла последовать кара от иудейского правительства, например о том, кто именно усекнул ухо раба архиерейского Малха, тогда как ни один из первых трех евангелистов не решился назвать Симона Петра как поднявшего меч, но все трое довольствуются выражением: “Один из бывших со Иисусом”, не называя даже его апостолом или учеником, и только Иоанн называет извлекшего меч и усекнувшего мечом по имени. По этой же причине Синоптики умалчивают о воскрешении Лазаря, как приговоренного Синедрионом к смерти мнимого преступника, который, как известно из древнейших сказаний, вскоре же принужден был бежать в Кипр и сверх того очень тяготился напоминаниями о своей смерти и воскрешении, ибо иудеи, бывшие и там в большом количестве, всюду следили за христианами и возбуждали против них язычников, а иногда даже просто общественные отбросы, как мы это знаем еще из книги Деяний (14, 2; 17, 5 и др.).

Что касается Лазаря, то имя его вовсе не упоминается в первых трех Евангелиях, если не считать притчи о богатом и Лазаре (несомненно, тоже связанной с имевшим произойти его воскресением), хотя упоминается о Марии и Марфе, так что апостол Иоанн, сообщая о Лазаре, предполагает имена его сестер известными читателю: “Был болен и некто Лазарь из Вифанни, из селения Марии и Марфы, сестер его” (Ин. 2, 1). Иоанн чувствует, что читатели первых трех Евангелий недоумевали, как могло произойти торжественное чествование Христа народом при последнем вступлении Господа в Иерусалим, когда окружающие Его ожидали совершенно противоположного отношения к нему столицы, и “ужасались и, следуя за Ним, были в страхе” (Мк. 10, 32); апостол Иоанн, в свою очередь, подтверждает, что ученики Христовы отговаривали Спасителя от приближения к Иерусалиму, когда Он собирался объявить, что идет воскресить Лазаря: “Равви! Давно ли иудеи искали побить Тебя камнями, и Ты опять идешь туда?” Но все послушали призыва мужественного Фомы: “Пойдем и мы умрем с Ним” (Ин. 11 8, 16).

И вдруг вместо ожидаемого гонения — торжественная встреча с пальмовыми ветвями! Недоумение читателя первых Евангелий рассеивается при чтении четвертого, из которого он узнает, что встрече предшествовало воскрешение Лазаря, привлекшее многих иудеев к вере во Христа (11, 15) и вот евангелист ему подтверждает именно такую связь событий: “Потому и встретил Его народ, ибо слышал, что Он сотворил это чудо” (12, 18). Из прочих евангелистов только Лука дает намек на особое побуждение верующего народа прославить прибывшего Спасителя: “Все множество учеников начало в радости славить Бога за все чудеса, какие видели они, говоря: “Благословен Царь, грядущий во имя Господне!”” и пр. (Лк. 19, 37, 38). По указанным же причинам Лука не мог пояснить, что здесь разумелись не столько чудеса Христовы вообще, сколько бывшее незадолго пред тем воскрешение четверодневно мертвеца. Отрицатель же этого события Ренан не мог в своей книжке объяснить и события торжественного входа и последовавшего затем приговора над Спасителем.

Итак, умолчание одних евангелистов о том, что поясняет четвертый, зависело от назревавшей во времена Спасителя еврейской революции, руководимой Синедрионом. Из вышеприведенных евангельских эпизодов выясняется уже и другая, не замеченная библейской наукой истина, именно та, что еврейская революция весьма тесно соприкасалась с земною жизнью Христа Спасителя и вообще определяла собою (конечно, по особому попущению Божию) многие евангельские события; далее мы увидим, что она же была главною

причиной возникшей против Христа народной ненависти, возведшей Его на крест.

Имеем ли мы какие-либо иные исторические данные о том, что разгоревшееся с такою страшною силой в 67 году восстание иудеев назревало давно и временами вспыхивало в продолжение всего первого века нашего летосчисления? Конечно, имеем. — Не будем распространяться о крайне свободолюбивом и мятежном настроении иудейского народа на протяжении всей его истории, которое начиналось с эпохи царя Давида (2 Цар. гл. 15-18 и 20) и дошло до высшей степени напряжения в эпоху братьев Маккавеев; скажем только о том, что самый горячий друг народа — пророк Иеремия почти четверть своей обширной книги посвятил на то, чтобы убеждать соотечественников не восставать против неодолимой силы царя Вавилонского, но не мог добиться цели своих увещаний даже тогда, когда Иерусалим и храм были уже разрушены, почти весь народ отведен в плен, а осталась только немногочисленная чернь, которая все-таки с безумной отвагой бросалась на представителей вавилонской военной власти и тем приговорила к смерти весь остаток народа, а страну свою — к окончательному опустошению. В подобном же настроении были иудеи и в эпоху земной жизни Христовой. Не имея еще возможности под бдительною властью римлян организовывать восстания в городах, их вожди увлекали своих последователей в пустыни, но, конечно, и эти попытки были подавляемы военной силой римлян. Вот слова члена Синедриона Гамалиила, сказанные вскоре после Вознесения Господня. “Незадолго пред сим явился Февда, выдавая себя за кого-то великого, и к нему пристало около четырехсот человек; но он был убит, и все, которые слушались его, рассеялись и исчезли. После него во время переписи явился Иуда Галилеянин и увлек за собою довольно народа; но он погиб, и все, которые слушались его, рассеялись” (Деян. 5, 35, 36). Вероятно, о них же упоминал Господь, называя их татями и разбойниками (Ин. 10, 8).

Подобные предприятия бунтовщиков продолжались и во время апостольской проповеди. Когда апостол Павел был арестован в Иерусалиме, то тысяченачальник спрашивал его: “Не ты ли тот египтянин, который пред сими днями произвел возмущение и вывел в пустыню четыре тысячи человек разбойников?” (Деян. 21, 38). Из Евангелий мы знаем, что и роковой “Варавва был посажен в темницу за произведенное в городе возмущение и убийство” (Лк. 23, 19 и 25) и, конечно, этим самым привлек на свою сторону народное сочувствие, выраженное в столь настойчивой форме пред Пилатом и подогретое первосвященниками и членами Синедриона (Мк. 15, 11).

Итак, приняв к сведению революционную настроенность иудеев, поддерживавшуюся Синедрионом, мы теперь не только совершенно ясно поймем события, окружавшие чудесное насыщение пятью хлебами пяти тысяч людей, уразумеем и то роковое значение, которое имели эти события в земной жизни Христа Спасителя, — “Люди, видевшие чудо, сотворенное Иисусом, сказали: это истинно Тот Пророк, Которому должно прийти в мир”, и решил “прийти, нечаянно взять Его и сделать царем” (Ин. 6, 14-15).

Совершенно понятно теперь, почему именно это чудо, а не какое-либо другое произвело подобное влияние на революционный народ. Они нашли во Христе то, что всего нужнее иметь, но и всего труднее достать для восстания — готовый хлеб. В то время невозможно было запастись пушками и бронепоездами: дело решалось живой силой людей и холодным оружием, но достать запас провианта под бдительным наблюдением римлян было невозможно в пустынных местах, где, как мы видели из книги Деяний, повстанцы сосредоточивали свои силы. Во время Моисея в пустыне арабийский хлеб посылался восставшему против египтян Израилю прямо с неба; теперь новый пророк может делать то же, что творил Господь в древности, и нужно хоть силой принудить Его стать во главу народного восстания. Господь избежал их рук таким способом, какого никто из народа не мог предвидеть: Он ушел от них по воде, как посуху. Теперь цель этого последнего чуда совершенно ясна.

Разумеется, это тайное удаление Христово было вовсе не по сердцу иудеям. Апостол Иоанн несколько глав своего Евангелия посвящает дальнейшим беседам их со Христом, в коих они напоминают Ему о небесном хлебе при Моисее и требуют продолжения чуда. Конечно, они прямо не могли говорить о желаемом восстании, но, когда Господь начинает раскрывать Свое учение об ином хлебе, хлебе духовном, и затем о хлебе Новозаветном, евхаристическом, который есть Его пречистое тело; когда Он затем обещает уверовавшим в Него иудеям нравственную свободу вместо политической и говорит о малоценности последней, то народный восторг, возбужденный чудом над пятью хлебами, постепенно переходит в ропот, а затем эти беседы, возобновившиеся в Иерусалиме, кончаются тем, что люди берутся за камни, чтобы умертвить Того, Кого так недавно хотели провозгласить царем. Читайте Евангелие от Иоанна, и вы увидите, что отказ Спасителя от этого избрания и последовавшие за тем беседы, несочувственные для готовившегося восстания, и были поворотным пунктом в отношениях иудеев ко Христу Спасителю; отсюда началась народная вражда, поколебленная чудом воскрешения Лазаря, но ненадолго. Впрочем, обратимся к евангельскому повествованию.

Народ ищет Иисуса на месте насыщения пятью хлебами и, найдя Его, с недоумением садится во вновь пришедшие с того берега лодки и с удивлением находит Его в Капернауме, куда невозможно было прийти раньше, ибо лодок с вечера ни одной не осталось. “Равви, когда Ты сюда пришел?”

Господь не отвечает на их вопрос, но упрекает их: “Вы ищете Меня не потому, что видели чудо, но потому, что ели хлеб и насытились. Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий” и пр. Это не укор за чревоугодие: ведь вчера еще народ, увлеченный слушанием Божественных словес, забыл о насущном хлебе, последовав за Христом в пустыню. Нет, Господь не доволен тем, что у них на уме опять земное, временное — восстание против римлян, военные приготовления и прочее, что все равно окончится смертью, как и победоносное шествие их предков чрез пустыню. “Отцы ваши ели манну в пустыне и умерли; хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрет” (Ин. 6, 49, 50). До этих слов иудеи все еще не теряли надежды убедить Христа сделаться для них вторым Моисеем — Предводителем и спрашивали: “Что нам делать, чтобы творить дела Божии?”, ссылаясь на чудесное водительство Моисея, и прибавляли: “Господи, подавай нам всегда такой хлеб” ибо тогда успех восстания будет обеспечен. Но дальнейшие слова Христовы о духовном хлебе и о жизни вечной совершенно обезнадежили горячие головы иудеев, и даже многие из учеников Его потеряли в Него веру (ст. 64), “отошли от Него и уже не ходили с Ним” (ст. 66). Видно, что тогда же отошло от Христа сердце Иуды и Он сказал: “Не двенадцать ли вас избрал Я, но один из вас диавол” (ст. 70). Решительное значение сего события доказывается и следующим стихом, на который толкователи не обращают должного внимания. “После сего Иисус ходил по Галилее, ибо по Иудее не хотел ходить, потому что иудеи искали убить Его” (7, 1). “После этого”, т.е. после этой беседы, бывшей в Капернауме Галилейском. Очевидно, о ней было донесено в повстанческую ставку, т.е. в Синадрию, как впоследствии и о воскрешении Лазаря (11, 46), и там решили разделаться с новым Пророком, призывавшем народ на иной путь жизни, как они разделались и с Иоанном Крестителем (Мф. 17, 12; Мк. 9, 13), отвечавшим на вопросы народа: “Что нам делать?” — указаниями чисто нравственного характера и не поддерживавшим его шовинистических надежд (Лк. 3, 7, 8 и 11).

Насколько клерикальная и даже народная вражда против Спасителя начала теперь принимать деятельный (активный) характер, это ясно видно из дальнейших деяний и словес Христовых. Когда братья Его зовут на приближавшийся праздник кушней, он говорит им о ненависти к

Нему мира и приходит в Иерусалим не явно, но как бы тайно (Ин. 7, 7, 10); но, придя и возбудив благоговейное удивление народа к Своему учению, Он не стесняясь и, по-видимому, без явной причины говорит: “За что ищете Меня убить” (ст. 19). Слова эти были настолько неожиданны, что “народ сказал в ответ: не бес ли в Тебе? кто ищет Тебя убить?” (7, 20). Однако как бы в подтверждение слов Христовых вскоре “искали схватить Его”, сперва в народе (ст. 30), а потом нарочито присланные слуги фарисейские (ст. 32); но никто не возложил на него рук (ст. 30). Последнее выражение (ст. 8, 20) имеет более существенный смысл, чем это кажется с первого взгляда. В другой статье (“Лобзание Иуды”) мы поясняли словами Пятикнижия, что законом Божиим, коим управлялся иудейский народ, воспрещено было осуждать кого-либо без ответственных доносчиков, которые, обвиняя в чем-либо человека, должны были возложить на его голову свои руки и после смертного приговора первые бросают в него камни (Лев. 24, 14; Втор. 17, 4-7). Этого-то никто не взялся выполнить над Спасителем, ибо донос клеветнический строго карался по закону: он подвергал доносчика той участи, которую он готовил для своей жертвы (Втор. 19, 19). Читайте историю Сусанны и двух старцев (Дан. 13), жены, взятой в прелюбодеянии (Ин. 8), осуждения Стефана архидиакона, наконец, суда над Самим Господом Иисусом Христом и над апостолом Павлом в Синадрии, и вы увидите, что нелегко бывало врагам правды обходить этот мудрый закон.

К чему же хотели придаться враги Христовы, пытаясь Его теперь арестовать? Конечно, они не могли предъявить ему обвинений в нежелании участвовать в восстании; поэтому они, видимо, возвращались к старому — к исцелению Христом расслабленного в день субботний, хотя это исцеление, совершенное в Иерусалиме, предшествовало чудесному насыщению в Галилее, куда Господь беспрепятственно тогда удалился из столицы, сказав иудеям обличительную речь по поводу их ропота на исцеление. И если теперь, по возвращении из Галилеи, Спаситель снова оказался принужденным оправдывать совершенное в субботу исцеление, то, конечно, по той причине, что это событие, как совершенное без свидетелей, вероятно, толковалось Его лживыми врагами в качестве обыкновенного лечения и могло служить для недобросовестных людей предметом обвинения в нарушении субботнего покоя, которое по закону Божию, данному чрез Моисея, каралось смертью (Чис. 15, 32). Спаситель всегда победоносно опровергал попытки Его в нарушении субботы, когда совершал исцеления в этот день и повергал в стыд обвинителей при общем одобрении Его слов народом (Лк. 13, 17; ср.: 14, 4-6). Но в настоящее время, когда стало ясно, что Иисус Христос

не сочувствует задуманному восстанию, злоба Синедриона и иерусалимских фанатиков-революционеров достигла такой степени, не имея возможности открыть действительную причину своего ожесточения, опять поднимают дело об исцелении расслабленного; но Господь хорошо разумел, в чем действительная причина их вражды, и потому, сказав еще два слова о законности исцелять в субботу страдальцев (Ин. 7, 22-24) и препобедив новую попытку фарисеев обвинить Его в нарушении закона по делу о женщине, взятой в прелюбодеянии, на другой же день после Своего прихода в Иерусалим снова обращает слово к жаждавшему политической свободы народу иудейскому и говорит ему о той высшей, духовной свободе, которую принес Он на землю Своим учением. В этот день, как и накануне, народ колебался между верою и ожесточением сердца (7, 31; 8, 30). Искреннее слово Спасителя, Его убежденная исповедь о Своем послушании Отцу, Который послал Его, — все это вливалось святую веру в сердца слушателей, но они не могли оторвать своих сердец от излюбленной мечты о восстании против римлян под руководством ожидаемого Мессии, об истреблении всех своих врагов и о покорении себе всего мира, основывая эти надежды на ложном толковании 7-й главы пророка Даниила и иных пророчеств. Такое, и только такое, понимание тогдашней настроенности слушателей Христовых поясняет нам уместность и последовательность тех слов утешения, которые простер Господь к этим уверовавшим в Него людям. Слова же эти были такие: “Если пребудете в Слове Моем, то вы истинно Мои ученики и познаете Истину, и Истина сделает вас свободными”.

Раньше о свободе никакой речи не было: Господь отвечает на тайные мысли и желания слушателей. Но ответ этот не понравился толпе. “Ему отвечали: мы семя Авраама и не были рабами никому никогда, как же Ты говоришь: сделаетесь свободными?” Был ли этот вопрос провокационным с целью вызвать Спасителя на упоминание о римском иге, как после вопрос о динарии и оклеветание Христа пред Пилатом в том, будто он называет Себя Царем и не велит платить дань Кесарю (Лк. 23, 2), когда угрожали и самому Пилату доносом на него Кесарю (Ин. 19, 12), или здесь обнаружилась только крайняя ненависть к римскому игу, которого народ не хотел признавать как факт? Возможно, что здесь было то и другое. Юридически еврейский народ, как и большинство народов, влившихся в Римскую империю, имел автономию, которую римское правительство старалось урезать (Ин. 11, 48), а иудейская революционная теократия старалась расширять (Ин. 18, 30, 31); при таких условиях настроение народных масс бывает раздвоенное: между собою люди плачутся на свое порабощение, но, если им со стороны укажут на их подчиненность, они начинают гордо говорить о своей

автономии и о своем равноправии с покорившим их племенем. Так именно чувствовали и говорили еще недавно жители Финляндии о своих отношениях к России. При подобном раздвоенном настроении людей прежде всего отсутствует искренность, и вот, думается, в чем причина того, что Господь как бы неожиданно начинает обличать своих собеседников в сатанинской лживости, называет их сынами лживого диавола и лжецами (8, 55), снова (ср., 6, 49, 50), обещая уверовавшим в Него блаженное бессмертие взамен земного царства (8, 51). Но тогда беседа окончилась только охлаждением народа к Спасителю, а теперь, когда окончательно выяснилось, что Он ни во что ценит политическую свободу и вообще все блага временной жизни человека и народов, Его собеседники, вдвойне раздраженные еще и прямыми укоризнами против себя, берутся уже за камни, чтобы забросать ими Учителя.

В этой беседе, нужно сказать, с особенною ясностью сказалось противопоставление христианской, нравственной свободы свободе политической в словах, которые в большинстве толкований остаются непонятными; но они более чем понятны в нашем изъяснении смысла сей беседы. Вот эти слова: “Раб (каковы суть иудеи) не пребывает в доме вечно: сын пребывает вечно. Итак, если сын освободит вас, то истинно свободны будете” (8, 35, 36). Истинная свобода, противовес мнимой, есть свобода нравственная, христианская, в которой и христианин пребывает вечно, и народ, сохраняя ее, пребудет вечно в доме Отца Небесного вместе с Его Сыном, т.е. в Церкви Христовой, и даже здесь, в земле обетованной, откуда рабы греха, хотя они и семя Авраамово (8, 37), могут быть изгнаны и заменены другим народом или народами, как это и было, согласно другому предсказанию Спасителя (Мф. 21, 43; Лк. 19, 43, 44), и притом именно тогда, когда они надеялись утвердить свободное еврейское царство при Веспасиане и Тите. Понятно, что подобные предостережения вызывали злобу шовинистических революционеров. Однако последовавшее затем исцеление слепорожденного опять пробудило в Него веру, и хотя дальнейшие беседы Христа снова возбудили у иудеев попытку забросать Его камнями, но число верующих умножалось (10, 21, 42), и распря между искателями Царства Небесного и царства земного все усиливалась в народе и даже между фарисеями (Ин. 7, 12; 9, 16; 10, 19).

II

Чудо воскресения Лазаря усилило разделение, а вместе с тем и опасение Синедриона за революционное единодушие дотоле покорного им народа: было чего опасаться. Пока Господь, обесценивая земные

надежды Израиля, обещал верующим вечную жизнь только на словах, это не могло увлечь многих, а многих, напротив, отталкивало от Него, как несбыточное обещание (6, 58-60; 8, 52).

Но поразительное чудо воскресения четверодневногo мертвца с такою ясностью подтвердило Христовы обетования вечной жизни верующим в Него и настолько могло удовлетворить их Христовою верою, что они не только исполнились этою верою, как свидетельствует Иоанн (11, 45), но и уготовали Ему торжественную встречу в Иерусалиме, тогда как апостолы убеждали Его не ходить в Иерусалим, но наконец послушали слова Фомы: “Пойдем и мы умрем с Ним” (11, 16). Но этот же народный восторг был причиной смертного приговора над Спасителем в Синедрióне.

К сожалению, толкователи обыкновенно понимают этот приговор в смысле совершенно противоположном его действительному значению. Когда многие из иудеев, пришедших к Марии и видевших, что сотворил Иисус, уверовали в Него, а некоторые из них пошли к фарисеям и сказали им, что сделал Иисус, тогда первосвященники-фарисеи собрали совет и говорили: “Что нам делать? Этот Человек много чудес творит. Если оставим Его так, то все уверуют в Него, — и придут римляне и овладеют и местом нашим и народом” (11, 47-48).

Недальновидные толкователи находят здесь опасение Синедрióна пред римлянами в том смысле, будто последние могут принять начинающееся христианское религиозное движение за бунт и окончательно поработить себе Иудею. Но римляне не были так тупы. Они, напротив, старались в лице Пилата спасти Христа от иудейской злобы, зная, “что предали Его из зависти” (Мф. 27, 18). “Разве я иудей?” — спрашивал Христа Пилат в ответ на Его вопрос: “Твой народ и первосвященники предали Тебя мне; что Ты сделал” (Ин. 18, 35). Не того боялся Синедрióн, вынося смертный приговор Спасителю, что римляне сочтут христиан за революционеров, а обратного: боялся, что под влиянием Спасителя народ совершенно охладет к поддерживаемому Синедрióном революционному направлению, перестанет даже вести оппозицию римским захватам и римляне беспрепятственно уничтожат иудейскую автономию и цивилизацию, что не удалось Антиоху Епифану благодаря восстанию маккавеев. Вот почему они, несколько не подвергая сомнению подлинность чуда над Лазарем и прочих чудес Христовых, готовые признать Его невинность, враги Христовы согласились с роковым приговором Каиафы и “с этого дня положили убить Его” (11, 53). Их именно тревожило умножающаяся вера во Христа. “Первосвященники же положили убить Лазаря, потому что ради него

многие из иудеев приходили и веровали во Иисуса” (12, 10, 11), а когда совершился торжественный вход Господень в Иерусалим, “фарисеи говорили между собою: видите ли, что не успевае́те ничего? весь мир идет за Ним” (ст. 19). В чем они не успевали? Очевидно в попытках остановить чествование грядущего Господа (Лк. 19, 39) и в подготовке народного восстания. При сем торжественный вход Господа во Иерусалим не только не возбудил никакого беспокойства у римлян, хотя и “потрясая весь град” (Мф. 21, 10), но он и по существу был совершенно антиреволюционным, мирным, как олицетворение чисто духовной власти, чуждой не только насилия и оружия, но и всякой роскоши в осуществлении слов пророка Захарии (Зах. 9, 9): “Ликуй от радости дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной. Тогда истреблѹ колесницы у Ефрема и конец в Иерусалиме, и сокрушен будет бранный лук; и Он возвестит мир народам и владычество Его будет от моря до моря и от реки до концов земли.”. Это пророчество, столь явно исполнившееся на царственном входе Господа в Иерусалим (Мф. 21, 5; Ин. 12, 15), было столь же чуждо воинского, революционного духа, как и само предсказанное им событие, и вполне понятно, что враги Христовы, развивавшие вооруженное восстание против римлян, чувствовали, что почва под ними готова поколебаться, и решили во что бы ни стало погубить Спасителя, хотя это было не так-то просто по библейским законам, как мы видели выше.

По прямому смыслу закона, на который мы указали, необходимо было, чтобы два или три свидетеля возложили руки на главу обвиняемого и заявили определенно, в чем его обвиняют. До сего дня никто не решался это сделать, несмотря на старания фарисеев и Синедрióна. Кроме того, народ был в подавляющем большинстве на стороне Иисуса Христа. Раздосадованные притчею Христовою о злых виноградарях, священники и старейшины “старались схватить Его, но побоялись народа” (Мк. 12, 12), тем более что во время спорных беседований Христа с фарисеями “множество народа слушало Его с услаждением” (ст. 37). Все это было уже после входа Господня в Иерусалим. Отсюда видно, что обнаружившаяся пред лицом Пилата перемена народного настроения произошла не в продолжение пяти дней, как обыкновенно говорят в проповедях, а в срок более краткий. Насколько он был краток, мы скоро узнаем, а теперь упомянем о том, что еще в среду страстной седмицы враги Христовы “боялись” расположенного к Нему народа, ибо в сей день Иуда “обещал и искал удобного времени, чтобы предать Его им не при народе” (Лк. 22, 2-6). Все же этим заявлением предателя одно затруднение арестовать Спасителя было наконец устранено: свидетель

нашелся. Понятно, что “они обрадовались и согласились дать ему денег” (ст. 5). Предатель, стало быть, нужен был им вовсе не для того, чтобы указать, где Иисус уединяется с учениками: проследить за 12 человеками в городе легко было им через своих собственных слуг, но по закону библейскому они не имели права взять Христа без доносчика, а по законам римским не могли казнить Его без утверждения Игемона, а следовательно, без предварительного ареста. Иуда исполнил обещание, но не вполне точно: он не решился возложить руки на голову Учителя, а заменил этот обряд поцелуем, заявив предварительно страже и фарисеям: “Кого я поцелую, Тот и есть; возьмите Его и ведите осторожно” (Мк. 14, 44). Вот почему Господь сказал: “Иуда, целованием ли предаешь Сына Человеческого” (Лк. 22, 48); этот поцелуй был не указанием того, кто из предстоящих есть Иисус, ибо Его знали или все, или многие бывшие с Иудой, — нет, целование его было обрядом, необходимым для ареста обвиняемого. Но обряд был неточный, и, может быть, потому воины не сразу решались наложить руки на Спасителя, пока Он Сам не помог им, предварительно повергнув их на землю силою Своего духа. “Кого ищите?” — “Иисуса Назорея”. — “Это Я”... “Тогда воины и тысяченальники и служители иудейские взяли Иисуса и связали Его” (Ин. 18,4-15).

Господь приведен на суд к первосвященнику ночью вопреки закону, а доносчик, мучимый совестью, скрылся и вскоре после того удавился. Опять затруднения: производить суд без свидетелей, предавших обвиняемого суду. Закон Божий гласит: “По словам двух или трех свидетелей должен умереть осужденный на смерть: не должно предавать смерти по словам одного свидетеля. Рука свидетелей должна быть на нем прежде всех, чтобы убить его, а потом рука всего народа” (Втор. 17, 6, 7). При сем оговаривалось: “Разыщи, исследуй и хорошо расспроси” (Втор. 13, 14). Враги Христовы знали, что и теперь народ на Его стороне, и понимали, что им приходится брать на себя по этому ужасному делу большую ответственность, и потому нарушать требование закона они вдвойне боялись. Книга Деяний подтверждает нам, что первосвященники и фарисеи боялись, “чтобы их не побии камнями” (Деян. 5, 26), и они пеняли ученикам Христовым: “Хотите навести на нас кровь Того Человека” (ст. 28).

Однако личная месть, злоба и зависть, а еще более забота об излюбленном революционном плане, над которым они работали, брали верх. За неимением свидетелей они по закону должны были бы отпустить Иисуса Христа (Лк. 22, 68), но были далеки от такого намерения и уже вопреки закону сами стали искать свидетелей, т.е. лжесвидетелей, о чем особенно ясно говорят евангелисты Матфей (26, 56-61) и Марк (14, 55-

59). Иоанн упоминает и о том, что на первом допросе первосвященник Анна сам начал спрашивать Иисуса Христа об Учении Его и об учениках Его, и когда Господь напомнил ему, что обвинять Его должны другие, то воин ударил Его по лицу, хотя Спаситель указывал именно на требование библейского закона. Ср. незаконный допрос Христа у Пилата (Ин. 18, 34) и апостола Павла в Синедрионе (Деян. 23, 1-5). Остальные три евангелиста повествуют, что утомленные безуспешным опросом лжесвидетелей судьи Христовы, вопреки закону, сами стали требовать от Него, чтобы Он сказал, считает ли Он Себя Христом Сыном Божиим. Господь не отвечал, пока Каиафа не повторил вопроса с закланием. Тогда Спаситель ответил, но прежде объяснил Свое молчание: “Если скажу вам, не поверите; если же спрошу вас, не будете Мне отвечать и не отпустите Меня” (Лк. 22, 67-68).

Однажды Господь спрашивал фарисеев: чей сын будет Мессия, и когда они ответили — Давидов, то Он спросил их: как же Давид называет Его Господом и пр., на что они ничего не хотели ответить (Мф. 22, 42-46). Теперь Он, вероятно, желал бы их спросить: о каком Сыне Человеческом, грядущем к Богу на облаках небесных, говорит Даниил? Однако, уверенный в том, что не получит на вопрос ответа, Господь говорит о сем уже в утвердительном смысле: “Отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силу и грядущего на облаках небесных” (Мф. 26, 64). Это почти буквальное слова Даниила: “Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын Человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его — владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится” (7, 13-14). Кто, кажется, смел бы обвинять Учителя за приведение слов Священного Писания? — Но первосвященник притворился, будто не замечает здесь древнего пророчества, и разыграл сцену священного негодования, как человек, услышавший будто бы хулу. Синедрион единогласно приговаривает Спасителя к смерти, допустив нарушение закона и в самом способе ведения допроса, и в самой квалификации мнимого преступления, ибо иудеи относили то пророчество к Мессии, причем ожидали Его как обыкновенного человека, который удостоится такого прославления, почему Господь должен был убеждать Никодима, что человек никогда такой славы не сподобится, потому что “никто не восходил на небо, как только Сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах” (Ин. 3, 13). Если же иудеи надеялись, что Мессия сподобится такой славы, будучи просто человеком, то в чем же богохульство, если предстоявший пред ними в виде человека Иисус Христос относит эти слова к Себе? Они

могли не соглашаться с Ним, утверждать, что эта слава суждена другому человеку, но усматривать хулу в словах, взятых из священной пророческой книги, можно было, только представившись забывшим, откуда эти слова заимствованы; так и сделали Каиафа и весь Синедрион. Мы же, остановились на этом событии Христовой жизни, чтобы еще раз показать, в каком строгом согласии с учением библейского закона Он поступал и учил и как, следовательно, нелепо мнение, будто Синедрион был убежден, что Спаситель был народным революционером и нарушителем закона. Тем и другим был сам Синедрион, как это выясняется из всего предыдущего и выяснится еще определеннее из последующих событий, сопровождавших Христовы страсти.

Начнем с вопроса, поставленного раньше, но пока еще оставшегося без разъяснения: когда же произошел последний перелом народного чувства из благоприятного отношения к Спасителю к противоположному? На это ответят нам евангелисты Марк и Иоанн. От первого мы узнаем о том, что оставалось незамеченным в библейской науке. Руководствуясь последнею, люди привыкли думать, будто народ, предстоявший Пилату, пришел вслед за Синедрионом и его Жертвой и что речь была с Пилатом о Христе, а затем, когда Пилат предложил освободить

Спасителя ради Пасхи, народ не согласился на это и стал настаивать, чтобы отпустили разбойника Варавву.

Такое неожиданное и беспричинное присоединение народа к враждебному обвинительному шествию со Христом на суд к язычнику, тогда как само предание Его и первоначальный допрос совершались ночью из опасения народного мятежа (Мф. 26, 5; Мк. 14, 2), при подобном понимании событий остается совершенно неестественным. На самом же деле сочувствие народа Спасителю продолжалось еще в пятницу утром и самый народ оказался пред Пилатовым преторием не вслед за Христом, а по другому, своему собственному делу. Это следует из повествования Марка, и если у него, как и у всех трех первых евангелистов, требование народа осудить Христа все-таки оказывается неожиданным, то по той же причине, по которой у них остается необъясненным, зачем Спаситель ходил по водам. Но к этому мы еще возвратимся. Как же представляет Марк появление у Пилата толпы народной? Он пишет, что, когда уже начался допрос Иисуса Христа Пилатом, то в это время “народ начал кричать и просить Пилата о том, что он всегда делал для них” (15, 8), потому что “на всякий праздник отпускал он им одного узника, о котором просили” (ст. 6). Итак, крики народа об исполнении сего обычая поднялись вне всякого отношения к

судебному делу Иисуса Христа. Одно из трех: или приведшие Спасителя нашли около претории толпу народа, собравшуюся для ходатайства за Варавву, или последняя пришла и застала у Пилата собравшихся врагов Христовых с Божественным Узником, или обе толпы пришли случайно разом, но из разных мест и по разному делу. На это можно найти указание и у святого Матфея. Здесь евангелист, описывая допрос Спасителя и удивление Пилата, продолжает: “Итак, когда собрались они” (т.е. народ, а не сопровождавшие Иисуса Христа), “сказал им Пилат: кого хотите, чтоб я отпустил вам: Варавву или Иисуса, называемого Христом?” и пр. (27, 17).

Почему же был так люб народу Варавва? Почему с такою настойчивостью они выпрашивали его у Пилата? Почему Пилату так нежелательно было его отпустить? Апостол Иоанн, прибавляющий подробности к сокращенным повествованиям прочих евангелистов, говорит, по обычаю, совсем кратко о том, что у тех изложено более подробно: он, например, умалчивает о 30 сребрениках, лжесвидетелях, об ответе Иисуса Христа из пророчеств Даниила, об Ироде, о благоразумном разбойнике и пр. О Варавве он говорит короче всех прочих евангелий: “Был же Варавва разбойник”.

Странно, что под этим же немудреным эпитетом он остался в памяти и верующего народа, и представителей научного толкования. Но за простых разбойников народ не заступает, а требует для них более строгих кар, нежели судебная власть. Читайте же у других евангелистов о Варавве слова, которых вы прежде не замечали.

Вот пишет Марк: “Тогда был в узах некто по имени Варавва со своими сообщниками, которые во время мятежа сделали убийство” (15, 7), а Лука повествует так: “Варавва был посажен в темницу за произведенное в городе возмущение и убийство” (23, 19, 23).

Только Матфей ограничивается кратким выражением: “Был тогда у них известный узник, называемый Варавва” (27, 16).

Из этих выписок ясно во всяком случае то, что Варавва был не просто разбойник, а революционер, предводитель шайки, лицо, известное народу, бывшее виновником городского мятежа. Вот почему он был люб революционному народу, и особенно его духовным вождам: читайте, ради Бога, дальше по Марку: “Но первосвященники возбудили народ просить, чтобы отпустить им лучше Варавву” (15, 11).

Сколь богато содержание этих немногих, почти не замеченных в науке слов! Должен признаться, что я сам добрался до их смысла уже на пятом десятке лет своей жизни. Из этих слов видно, во-первых, то, что высказал Синедрион по воскресении Господом Лазаря, т.е. что

первосвященники и фарисеи участвовали в готовившемся народном восстании или, вернее, руководили им и что соображения толкователей, будто они казнили Христа из опасения народного восстания, совершенно противоположны исторической действительности. Во-вторых, отсюда явствует, что и в эти роковые минуты народ еще не был против Христа, что он колебался в выборе между Ним и Вараввой, на что можно найти указание и во второй призывной речи апостола Петра после Вознесения Господня на небо и ниспослании Святого Духа (Деян. 3, 13). Весьма возможно, что лукавые люди внушили народу, будто Иисуса Христа и так отпустят, как ни в чем не повинного, что Его предлагает Пилат отпустить любящему народу только для того, чтобы не уступить героя революции Варавву; во всяком случае, симпатия народа к последнему была выражена очень настойчиво, и если для предпочтения его Иисусу Христу понадобились уговоры первосвященников (ср.: Мф. 27, 20), то ясно, насколько народ был еще далеко от той злобной ненависти к Спасителю, которая разгорелась через несколько десятков минут с такою страшной силой и даже с закланием своих душ и своего потомства. Причину постепенного возрастания последней выясняет только Иоанн, а по первым трем евангелистам, особенно по Матфею и Марку, этот быстрый переход от колебания к бешеной злобе остается совершенно непонятным, а умолчание их о причине сей быстрой перемены объясняется, как мы упомянули в начале статьи, только тем, что о ней нельзя было писать, потому что пояснить дело значило бы выдать революционную настроенность народа и ускорить упразднение его автономии, что совершилось после восстания 67 года и последовавшего затем разрушения Иерусалима и храма. Писателю четвертого Евангелия не для чего было обходить молчанием эту сторону событий, ибо его Евангелие писалось уже после разрушения иудейского царства.

Верный своему обычаю опускать то, о чем уже писали прежние евангелисты, апостол Иоанн даже не упоминает о том, в чем обвинили Иисуса Христа пред Пилатом Его враги, но, вероятно, предполагает известными читателю слова 3-го Евангелия: “И начали обвинять Его” (пред Пилатом), говоря: “Мы нашли, что Он развращает народ наш и запрещает давать подать Кесарю, называя Себя Христом Царем” (23, 2).

Помянутая вероятность основывается на том, что, по Иоанну, Пилат прямо спрашивает Иисуса Христа: “Ты ли Царь Иудейский?” (18, 33). Враги Христовы знали, какое обвинение более всего заинтересует римского правителя и потому, по еврейскому обычаю, не остановились пред самой злостной клеветой о подати и о покушении на власть, тогда как Спаситель тем и навлек на Себя неудовольствие народа, что отказался от последней, а, как Он говорил о законности подати римлянам, это все

мы знаем. Ответ Спасителя о царстве не от мира и истине совершенно уверили Пилата в Его невинности, ибо правитель и раньше знал, что Христа предали из зависти (Мк. 15, 10). Однако Пилат был, видимо, раздражен на иудеев и, издеваясь над их революционным настроением, сказал им: “Хотите ли, отпущу вам Царя Иудейского?” (Ин. 18, 39). Следующий стих, как и повествование Марка, дает основание думать, что ходатайство о Варавве началось раньше представления ему Иисуса Христа, ибо стих этот читается так: “Тогда опять закричали все, говоря: не Его, но Варавву”. Причем тут слово опять? еще ни о каком крике народном евангелист не упоминал. Должно думать, что пререкание о Варавве началось раньше, затем было прервано появлением врагов Спасителя и Его Самого, чем Пилат и пожелал воспользоваться чтобы взамен вовсе не желательного для римского правителя бунтовщика отпустить на свободу неповинного Учителя. В ответных криках народа еще не определилось враждебное отношение народа к Спасителю, но только настойчивое желание выручить Варавву. После этого речь о Варавве и не возобновляется в четвертом Евангелии: видимо, Пилат теперь уже решил исполнить требование толпы, сочувствовавшей бунтовщику Варавве, но тут же решил и отомстить революционному народу, предав посмеянию его излюбленную революционную идею о национальном царе, который свергнет римское иго. При этом Пилат хотел наполовину удовлетворить злобное чувство врагов Христовых, и вот, выслушав крики о Варавве, “Пилат взял Иисуса и велел бить Его. И воины, сплетши венец из терна, положили Ему на голову и одели Его в багряницу” (в которую одел Его Ирод) “и говорили: радуйся, Царь Иудейский, и били Его по ланитам, Пилат опять вышел и сказал народу: вот я вывожу Его к вам, чтобы вы знали, что я не нахожу в Нем никакой вины” (19, 1-3). Конечно, с общечеловеческой точки зрения, страшно бичевать человека, признаваемого невинным, и издеваться над ним, но гордый и презрительный римлянин думал, что Иисусу Христу будет и то милостью, если взамен требуемой Его врагами смертной казни Он подвергся только бичеванию и осмеянию, которое притом относилось не столько к Нему, сколько к автократическим замыслам иудеев. Сверх того Пилат пытался возбудить сострадание к столь измученной уже жертве фарисейской ненависти. “Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице. И сказал им Пилат: се человек!” (ст. 5).

Игемон не думал, вероятно, что осмеяние народного идеала, народного стремления к свободе за невозможностью отомстить виновнику этого оскорбления перейдет на Того, в лице Которого представлено

порушение революционной идеи. Но так бывает обычно.² Однако еще и в этот момент любовь ко Христу и память Его благодеяний не совсем были исторгнуты из сердца народа: народ еще колебался. Но зато “когда увидели Его первосвященники и служители, то закричали: распни, распни Его!” (ст. 6). В этих сердцах уже не было сострадания, но к личной ненависти присоединилась и злоба на то, что Чудотворец дозволил поганым язычникам в Своем Лице надругаться над тем, что было для них всего дороже: Он и прежде не выразил сочувствия восстанию, а теперь и Сам муки терпит, не желая защитить новым чудом честь народа и его будущих царей. Отсюда — дальнейшие ругательства на Голгофе первосвященников, книжников, старейшин и фарисеев, подогреваемые обидно для народа надписью на кресте: “Других спасал, а Себя Самого не может спасти” (Мф. 27, 41, 43; Мк. 15, 31; Лк. 33, 35). Но пока одного крику еще мало: нужны новые доводы, чтобы убедить Пилата согласиться на распятие Спасителя, тем более что и народ пока видимо колеблется прежнюю любовью и состраданием ко Христу и раздражением по поводу того, что он видит пред собою. Итак, первосвященники, их слуги и фарисеи, которых Иоанн называет иудеями, выделяя их из общего понятия “народ”, сослались было на свой закон, по которому Иисус должен быть умерщвлен, “потому что сделал Себя Сыном Божиим” (19, 7). Такого, конечно, закона нет, и мы знаем, как Господь отклонил от Себя такое обвинение раньше (Ин. 10, 34-36), да и вообще Мессию евреи мыслили как Сына Божия (Ин. 1, 34, 49). (Хотя и не Бога.) Что же касается Пилата, то подобное обвинение произвело на него обратное впечатление: он “больше убоился” и, уединившись с Иисусом на несколько минут, “с этого времени искал отпустить Его”. Однако опытные интриганы — иудеи знали, чем можно понудить Пилата, и стали намекать на возможность доноса: “Если отпустишь Его, ты не друг Кесаря” и т.д. Пришлось Пилату признать дело политическим процессом, быть может как дело “об оскорблении величества”, и он воссел на Лифастротон, но, надеясь поправить дело, тремя словами погубил Иисуса Христа, крикнув иудеям: “Се Царь ваш!” Первый возглас ижемона: “Се человек!” — взывал к состраданию и для всего народа не был роковым, а в этих словах — “Се Царь ваш!” — слышали презрительную насмешку над своею мечтою: вот что я делаю и сделаю со всяким великим царем; вам ли, презренные, мечтать о низвержении нашей власти?

“Но они закричали: возьми, возьми распни Его”. Это был уже крик всеобщий, крик народа, перенесшего свою бессильную злобу против

Пилата, на Того, Кто один из всех мог не допустить такого поругания, но настолько соизволил на такое, что и Сам Себя подверг последнему. А когда Пилат, продолжая издеваться над народом, сказал: “Царя ли вашего распну?”, то уже не весь народ, неспособный в своем гневе к лицемерию, а только изошрившиеся в нем “первосвященники отвечали: нет у нас царя кроме Кесаря” (ст. 15). Здесь Пилат снова услышал намек на угрозу доноса и предал Спасителя на распятие. Однако он не отказал себе в удовольствии еще раз отомстить мятежному Синедриону и народу и на трех языках составил оскорбительную для них надпись, которую и прибил к орудию казни; первосвященники иудейские тщетно просили его изменить текст надписи. Пилат отвечал: “Что я написал, то написал”. Вероятно, не думал Пилат о том, что эта надпись, раздражая национальное самолюбие евреев, лишит их последних движений сострадательного чувства и будет побуждать к новым издевательствам над распятым Праведником (Мк. 15, 32).

Так назвал Господа сотник, видя Его святую кончину, да и всего народа коснулось наконец некоторое раскаяние, и он возвращался по домам, “бия себя в перси”, но это уже встревожило врагов Христовых, и они опасаются, что вера в Того, Кто воскресил Лазаря, не прекратилась с Его смертью и что если будет повод верить в Его Воскресение, то вера эта быстро распространится в народе. Поэтому они являются в субботу к Пилату и испрашивают разрешение поставить на три дня стражу к Христову Гробу и припечатать камень своею печатью.

Но Господь улавливает лукавых в лукавстве их. Не поступи они так, то событие Христова Воскресения не было бы столь неопровержимо, каким оно стало после распространенной лжи воинов, будто бы Тело Христова украдено апостолами, когда они спали: разве может спящий знать, что делается около него и разве это прошло бы для них безнаказанно, когда чрез несколько лет после этого воины, стерегшие в темнице Петра, изведенного ночью ангелом, были казнены Иродом в числе 16 человек?

Клевете фарисеев не поверили жители Иерусалима и через какие-нибудь 50 дней после Воскресения Христова стали тысячами принимать Святое крещение. Даже и те, которые не решались перейти в новую веру, относились с благоговейною любовью к ее последователям, и в особенности к ученикам Христовым. Видимо, никто тогда не верил, что они могли украсть Тело Своего Учителя; они пребывали в любви у всего народа (Деян. 2, 48), боясь которого, Синедрион не решался держать Петра и Иоанна в темнице после исцеления хромого (4, 21), и народ продолжал прославлять апостолов (5, 13), а из посторонних никто не смел

² Припомните, как в “Войне и Мире” граф Ростопчин перенес с себя на невинного молодого мещанина народную злобу, и юноша был растерзан толпой.

пристать к ним после кары Божией над Ананией и Сапфирой, но и из окрестных городов приносили больных, которые исцелялись по молитве апостолов (5, 16), а враги их, члены Синагог, боялись, как мы уже видели, чтобы народ не побил их камнями (ст. 26).

Быть может, то радостное одушевление, которое наполнило сердца первых христиан, все глубже и глубже проникало бы в среду иудеев и отвлекало бы их от их фанатического революционного настроения, но коварные фарисеи сумели настроить жителей столицы, будто христиане — враги закона Моисеева и храма. Это началось со времени Архидиакона Стефана, когда они научили “некоторых сказать: мы слышали, как он говорил хульные слова на Моисея и на Бога. И возбудили народ и старейшин” (Деян. 6, 11, 12) и пр., что окончилось побиением камнями Св. Стефана.

Вражда против христиан стала быстро усиливаться с тех пор, как в их общество начали поступать язычники и удаиваться крещения, и еще более, когда апостол Павел с Вараввой пошли по языческим странам обращать язычников. Там уже иудеи следовали за ними и вели напряженную борьбу против христианства; последняя с особенно страшною силою разразилась по возвращении Павла в Иерусалим после своего третьего путешествия, когда 40 человек поклялись не вкушать пищи, пока не убьют Павла.

Впрочем, возвратимся к земной жизни Господа Иисуса и к незаконному суду над Ним. Думается, всякий, прочитавший этот очерк, согласится, что причиной еврейской вражды против Него было прежде всего Его несочувствие задуманной ими революции, и это же революционное настроение, ослабленное на несколько дней чудом воскрешения Лазаря, возбудило против Христа злобу иудеев, когда они увидели Его в хламиде поругания. Отсюда несомненно вывод: Иисус Христос стал жертвой еврейской революции, явившись в глазах мятежного народа контрреволюционером. Конечно, все это явилось попусшением Божиим. Конечно, ничего бы такого не совершилось, если бы Господь Сам не пожелал бы согласно Предвечному Свету взойти на крест, как Он и говорил о Себе (Ин. 10, 17, 18; 12, 27, 32; Лк. 22, 22; Мф. 26, 54).

Но к этой основной и главной благой причине Христовых Страстей должны были присоединиться и злобные человеческие посредства, как сребролюбие Иуды, зависть и месть первосвященников и фарисеев и, наконец, общая у них с народом революционная затея, которая и отдалила от Христа иудейский народ, побудила его

возненавидеть и распять своего Спасителя и даже потомкам своим пребывать в неверии и вражде против Него до последнего времени.

26 апреля 1921 г.

III

Дополнительная глава.

Беседа Спасителя с Никодимом

Так как соображения и выводы наши о предмете, помеченном в заглавии, совершенно новы в библейской науке и для читателей неожиданны, то мы излагаем их не в порядке событий Христовой жизни, но в порядке дидактическом — от более ясного и несомненного к тому, что требует обстоятельных доказательств. Потому-то мы начали с середины, с события насыщения народа пятью хлебами, а теперь заключим наше исследование пояснением той беседы Христовой, которая происходила в начале Его проповедания миру. Пояснение это могло бы показаться произвольным или слишком смелым, если бы с него начать нашу речь, а по усвоении приведенных евангельских слов и событий читатель, надеюсь, не будет с нами спорить и по этому предмету.

Если будете читать беседу Господа с Никодимом, не догадываясь о том, чего не договаривал собеседник Спасителя, разделявший общеврейские религиозные чаяния и общеврейские революционные замыслы, то беседа вам покажется бессвязною, переход речи Христовой с одного предмета на другой — совершенно непонятным и Его ответы на вопросы и заявления Никодима — не соответствующими предмету речи. Но все это становится совершенно ясным и строго последовательным, если мы, воспользовавшись вышеприведенными разъяснениями, представим себе настроение и духовные интересы Никодима.

Никодим был тайным учеником Спасителя “страха ради иудейска” (Ин. 19, 38, 39), но таковым он сделался уже после своей беседы со Христом, которая происходила, видимо, еще до определившейся вражды против Спасителя Синедриона и фарисеев; она происходила ночью из опасения, но не фарисеев, а языческого правительства. Синедрион и фарисеи чутко относились ко всем мессианским движениям в народе. Когда народ стекался в Иорданскую пустыню слушать речи Иоанна о покаянии и о грядущем Мессии, то “иудеи прислали из Иерусалима священников и левитов спросить его: кто ты?.. А посланные были из фарисеев” (Ин. 1, 19, 24).

Можно с уверенностью сказать, что и Никодим пришел не от себя только, но по поручению Синедриона после властного изгнания Христом из храма торговцев и совершенных Им тогда же на Пасхе чудес, свидетели коих во множестве уверовали в Него (2, 23). Наше предположение о посланничестве Никодима основывается на том, что он

говорит не от себя лично, а от некоего общества. “Равви, мы знаем, что Ты Учитель, пришедший от Бога” (Ин. 3, 2) — так начинает он свою беседу, да и Господь отвечает ему то в единственном числе, то во множественном, сетуя на неспособность учителей израилевых верить в благодатные обетования Божий (ст. 10-12).

Но, чтобы понять яснее мысли и упования Никодима и прочих учителей иудейских, носивших в себе идею восстания, мы должны возвратиться к тем предсказаниям Даниила о Царстве Божиим и Сыне Человеческом как вечном Царе, но которые повторенные устами Спасителя, а после Стефана (Деян. 7,4) вызвали против Них приговор смерти, потому что разумелись ими в ином смысле, чем иудеями, дорожившими этим пророчеством, но в другом, политическом, точнее, религиозно-политическом его понимании. Но именно потому-то и Христос Спаситель именовал Себя Сыном Человеческим, а Свою Церковь и Свое Учение Царством Божиим, для того-то и ссылаясь на пророчества Даниила (Мф. 24, 15), чтобы исправлять коренное заблуждение иудейских толковников и иудейских патриотов.

Чтобы достаточно оценить значение именно Данииловых пророчеств для иудеев, должно принять во внимание то, что эти пророчества имеют характер неприкосновенный (хотя и чудесный), сопровождаемый совершенно ясными толкованиями являвшихся пророку небожителей, а по содержанию своему указывают совершенно определенно на исторические судьбы Израиля, которые для Даниила были грядущими, а для современников Спасителя в своем большинстве — уже прошедшими. Своеобразно понятые древним Израилем, эти пророчества и поныне составляют эсхатологическую догматику и религиозно-политическую программу иудейства. И в них соединяется все то, о чем говорит Господь Никодиму: открытие Царства Божия или Царства Святых на земле, восхождение Сына Человеческого на небо и открытие Судов Божиих над человеческим родом. Спаситель как будто бы вне определенной логической связи переходит с одного из этих трех предметов на другой, но связь эта определена в пророчествах Даниила, в осуществлении которых понимали и дело Мессии и свою славную будущую участь иудеи, современные Христу и современные нам, — словом, иудеи всех времен после вавилонского плена.

Такое руководящее, скажем всезахватывающее, значение Данииловых пророчеств в жизни иудейского народа определялось как великим авторитетом Даниила, считавшегося мудрейшим из людей (Иез. 28, 3) и сильнейшим предстателем пред Богом за народ и даже за все человечество (Иез. 15, 13-21), так особенно тем, что пророчества эти,

предсказавшие пришествие Мессии и возрождение Божия Царства со всею арифметическою точностью через 490 лет, отвечали определенно и ясно на самые мучительные сомнения и ожидания народа, начавшего быстро возрождаться и духовно и политически вскоре же по написании пророчеств, но потом ставшего игрищем случайных и ничтожных политических авантюристов и, наконец, крепко придавленного железною рукою римлян.

Израиль мыслил себя главною ценностью мировой истории, центром Божественного Промысла, то возвеличивающего его, то карающего; но вот жизнь передней Азии обращается на три века и более в бурное море страстей различных завоевателей, то возносящихся в силу, то низвергаемых в пропасть, а избранный народ становился как бы бессильным мячиком, который эти ничтожные разбойники перебрасывают сюда и туда. Улыбнувшаяся ему на время надежда во времена Маккавеев тоже рассыпалась, а предсказания Даниила оставались перед его глазами. Израиль, избранный народ Божий, достался в плен язычникам, а мировая жизнь движется по произволу последних.

Где же Божия правда? Где же Бог? Эти мысли, эти страдания верующей души с особенною силою изложены в Третьей книге Ездры. Писатель плачется Богу, что Он, избрав из всех лесов одну виноградную ветвь, из всех цветов одну лилию, из всех птиц одну голубицу и т.д. и из всех народов один народ (5, 23-30), теперь предал его на поправление язычников, хотя “о прочих народах, происшедших от Адама, Ты сказал, что они ничто, но подобны слюне, и все могущество их Ты уподобил каплям, капающим из сосуда. И ныне вот эти народы, за ничто тобою признанные, начали владычествовать над нами и попирают нас... Если для нас создал век сей, то почему не получаем мы наследия с веком? И доколе Это?” (6, 56-59).

Вот как страстно и горячо переживали иудеи то, о чем пророчествовал Даниил, живший в таком же скорбном настроении по поводу рабства своего народа, но он, быть может, потому и удостоился самых ясных предвещаний о грядущем избавлении, что сетовал пред Господом в глубоком покаянии за грехи народа и исповедовал полное правосудие Божие, выразившееся во всех страданиях, коим был подвергнут Израиль в Вавилонском пленении, и после того Господь открывает пророку видения, в коих различные страшные животные получают на земле силу, терзают людей и хулят Бога. Они постепенно уничтожают друг друга, а новый зверь, умертвивший другого, становится еще страшнее и свирепее; но вот является Господь на небесном престоле;

“судьи сели, и раскрыли книги... у зверей отнята их власть;...с облаками небесными шел Сын человеческий, дошел до Ветхого деньми и подведен был к нему. И Ему дана была власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его — владычество вечное, которое не пройдет, и царство Его не разрушится” (Дан. 7, 10-14.). Небожитель, которого Даниил спрашивает о смысле видения, отвечает ему, что “эти большие звери, которых четыре, означают, что четыре царя восстанут от земли. Потом примут царство святые Всевышнего, и будут владеть царством вовек и во веки веков” (Дан. 7, 17-18). “Царство же и власть и величие царственное во всей поднебесной дано будет народу святых Всевышнего, Которого (т.е. Всевышнего) царство — царство вечное, и все властители будут служить и повиноваться Ему” (Дан. 7, 27, 28).

Вот по этим-то трем пунктам пророчества Даниила и напряженного чаяния иудейского народа вел свою беседу Господь с Никодимом. Последний, видимо, не ставил Ему вопросов, но Господь часто отвечал на мысленные возражения и недоумения совопросников, как Симону фарисею (Лк. 7, 39), книжникам в Капернауме (Мк. 2, 6-9), Своим апостолам (Мф. 16, 7) и др. Три же идеи пророчества были следующие: Господь низвергнет власть нечестивых язычников и покорит мир народу святых, поставив над ним Своего Избранника — Сына Человеческого, Которого вознесет к равной Себе вечной славе и затем произведет правый суд над всеми народами и тем водворит на земле вечную правду. Иудеи понимали эти предсказания в смысле хотя, вероятно, и чудесном, но человеческом. Народный вождь, Сын Давида, поднимет восстание против римлян, вознесется Богом до небес и произведет праведный суд над народами, покорив их Израилю. Может быть, и само пророчество ближе подходило к такой картине по своему смыслу? Совсем нет. Спаситель разумел и истолковал его Никодиму гораздо точнее.

Смотрите, Даниил не называет народа святых израильянами, не говорит о победе над воцарившимися зверями вооруженным восстанием, но силою Божию, как и в другом своем пророчестве о сновидении Навуходоносора; не говорит о человеческих карах над врагами Божиими, ни о военных действиях царства святых, но как бы о добровольном подчинении ему множества в вечном царстве.

Потому-то бессмысленным зверям и был противопоставлен Сын Человеческий, как сила нравственная, разумная и святая, в которой выразилась иудейская культура, — человек безоружный, но совершенный, — что угнетенное политически иудейство было сильно

перед Богом тем, что носило в себе идею святости и духовного совершенства (Быт. 18, 19) еще от времен Авраама согласно Божию Завету. Итак, Даниил говорит о возвеличении Сына Человеческого над зверьми и о царстве святых, о Царствии Божиим не в политическом, не в военном смысле, а в нравственном, церковном; и Христос Спаситель потому постоянно и употреблял эти выражения, чтобы отвлечь слушателей от земного понимания Мессии и Его Царства к пониманию духовному Мессия — сошедший с неба Сын Божий, Который снова вознесется на небо, царство Его — духовное, как Он пояснял Пилату (Ин. 18, 36), не государство, а Церковь и суд Его на земле, — суд не карательный, а нравственный. Эти истины развивает Господь в беседе с Никодимом; она является как бы программой Его дальнейшей проповеди и деяний и последовательным ответом на недоумения Никодима, да и всего иудейства, — недоумения, основанные на неправильном разумении Даниилова пророчества, как мы видели, несравненно более близкого по смыслу к истолкованию Христа Спасителя, которое мы и воспроизводим с внесением мысленных и высказанных запросов и выражений Никодима.

Никодим приходит к Спасителю говорить об открытии Царствия Божия, которое, конечно, должно начаться, по его мнению, с восстания против римской власти. Дело это близко к заговору, а потому беседа должна быть тайною: он приходит ночью, вероятно уполномоченный своими собратьями по Синедриону, ибо он был “один из них” (Ин. 7, 50).

Итак, Никодим говорит: “Равви, мы знаем, что Ты Учитель, пришедший от Бога, ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог” (Ин. 3, 2); что Ты не приготовляешь восстания или когда же начнешь его устраивать? хочет он сказать, а может быть, и сказал: что же Ты не приготовляешь восстания, которым должно начать открываться Божие Царство?

“Иисус сказал ему в ответ: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия” (Ин. 3). Ты недоумеваешь, почему я не собираю тайно воинов и оружия, а только учу народ вере и добродетелям; но это потому, что в Мое царство войдут только те, кто возрожден от Бога (ср.: Ин. 1, 12, 13).

Никодим говорит Ему: “Как может человек родиться, будучи стар? Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?”

Обыкновенно толкователи говорят, что Никодим не понял указания на духовное возрождение, а думал о телесном. Но тогда зачем бы говорить об утробе матери, которая у стариков давно умерла? Да и Сам Спаситель не указывает на непонимание Своей речи собеседником, а

на его нерасположенность верить новому откровению (ст. 11). Если же толкователи почитают Никодима столь далеким от разумения духовных предметов, то потому, что мало знают Ветхий Завет, где так много словес о возрождении, о внутреннем изменении человека Божией Благодатию, что приведенные слова Христовы вовсе не могут показаться странными и непонятными знатоку закона и пророков. Довольно вспомнить 50-й псалом и его слова: “Окропиши мя иссопом и очищуся, омыеши мя и паче снега убелюся”, чтобы не думать так низко о Никодиме. Или возьмите слова Иезекииля: “Окроплю вас чистою водою, — и вы очиститесь от скверн ваших, и от всех идолов ваших очищу вас. И дам вам сердце новое и дух новый дам вам, и возьму из плоти вашей сердце каменное, и дам вам сердце плотяное. Вложу внутрь вас дух Мой и сделаю то, что вы будете ходить в заповедях Моих” и пр. (36, 25-27).

Впрочем, нам пришлось бы переписать десятую часть всех пророчеств, если бы мы пожелали собрать все изречения, сюда относящиеся. Особенно их много у Иезекииля, и у Исаии, и у Захарии: ср.: Иез. 11, 19, 20; Ис. 49, 3; 59, 21; Зах. 13, 1, также Иер. 31, 31-33. Можно сказать, что главной идеей пророков было требование и обетование полного нравственного возрождения Израиля не по внешнему его поведению только, но по внутренней настроенности, и дело это ожидалось не как дело человеческое только, но как дело Духа Божия.

Знал и Никодим, что значит родиться свыше, но знал и то, сколько молитвы, подвигов и труда нужно для сего, чтобы и самого себя возрождать, и тем более возрождать других, как свидетельствовал апостол Павел галатам и пресвитерам Ефеса и коринфянам (Галат. 4, 19; Деян. 20, 31; 1 Кор. 4, 15).

Конечно, Никодим, ставший ревностным последователем Христа и не убоявшийся помазать Тело Его драгоценным смешением (Ин. 19, 39, 40), с должным благоговением относился к словам Спасителя о возрождении духовном, но в его сознании предстает идея восстания, которым должно открыться ожидаемое всеми Царство Божие, предреченное Даниилом и другими пророками. Ему представляется, что его Собеседник думает предварительно нравственно перевоспитать, переродить всех участников восстания. Но это для взрослых людей почти так же трудно, как вновь войти во утробу матери и вторично родиться.

Заметьте, во всей речи Спасителя все три главные мысли выражаются в отрицательных предложениях. Ясно, что они являются возражениями на ошибочные мысли, а может быть, и слова Никодима о тех же предметах. Итак, поелику Никодим все думает о царстве военном, хотя и Божественном, каково было правление Моисеево, а отчасти и

дальнейших властителей Израиля, то Господь поясняет: Царство Его совсем иное, и начинает это пояснение с повторения уже высказанной мысли: “Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие” (Ин. 3, 5). Здесь уже к сказанному раньше прибавляется и внешний признак духовного рождения и Господь продолжает разъяснять сущность последнего, несколько отвлекаясь от хода мыслей Своего слушателя, дабы он понял вновь посылаемую Богом силу для гораздо более глубокого, существенного возрождения сынов открывающегося Царствия Божия сравнительно с тем, что давалось чадам Ветхого Завета. “Не думай”, как бы говорит Спаситель, “что Я имею в виду только внутреннее благочестивое настроение Моих последователей. Я имею могущественную, еще невидимую земным силу Духа, которого действие несравненно значительнее, чем последствия вооруженного восстания, только отчасти различествующие от обыкновенных государственных переворотов, а по существу такое же плотское дело, как и все земное вообще. “Рожденное от плоти плоть есть, а рожденное от духа есть дух. Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше” (Ин. 3, 6, 7). Это рождение будет благодатное, свыше приходящее, могущественное и быстрое, а не простое покаяние и постепенное упражнение в подвигах воздержания и милости, чего достигала проповедь Предтечи. “Дух дышит, где хочет, и голос слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от духа” (Ин. 3, 8). Он чувствует в себе благодатное изменение, чувствует, что оно не от него самого произошло, но не может опознать той Божественной силы, которой действия он испытывает как веяние налетевшего ветра. Никодим опять прекрасно понимает, о чем говорит Господь, но он не мог еще опытно испытать такого мощного притока благодати и отвечает: “Как это может быть? Иисус отвечал и сказал ему: ты — учитель Израилев, и этого ли не знаешь?” Ты должен верить в осуществление благодатных возрождений, как знаток закона, ибо пророки и псалмопевцы обещали все это людям в будущем. Не думай, что Я передаю тебе только несбыточные мечты Своего сердца: Я не на земле произошел, а задолго раньше знал многое. “Истинно, истинно говорю тебе: Мы говорим о том, что знаем и свидетельствуем о том, что видели (т.е. на небе), а вы свидетельства Нашего не принимаете” (Ин. 3, 11). Не решаешься поверить тому, что здесь, на земле, будет происходить и уже происходит с верующими в Меня и о чем предвещали пророки, т.е. все-таки о земном, человеческом, хотя и благодатном, даваемом человеку от Бога. “Если Я сказал вам о земном, и вы не поверите, — как поверите, если буду говорить о небесном?” (Ин. 3, 12)

Но я не скажу тебе пока, что основатель Царства Божия, или Мессия, есть не человек, но Богочеловек, по естеству равный Богу. А ты, почитая Его человеком, веришь Даниилу, что Он взойдет на небо; однако знай, что “никто не восходил на небо, как только сшедший с небес, Сын Человеческий, сущий на небесах” (Ин. 3,13).

Этот переход речи на восходящего к Небу как на Кого-то ожидаемого душою Никодима ясно показывает, что Спаситель имеет в виду то пророчество Даниила, а также напряженное ожидание его исполнения в личности Мессии со стороны Никодима.

Господь Своими словами о Сыне Человеческом дает здесь понять, что ожидаемый Мессия будет не человек, ибо человеку не суждено восходить на небо, а Сын Божий, воплотившийся и вочеловечившийся. Подобную поправку к иудейским понятиям о Мессии, основанным на неполном разумении пророчества Даниила, Господь повторяет после первого Своего учения о Евхаристии, когда, “зная Сам в Себе, что ученики Его ропщут на то, сказал им: “это ли соблазняет вас? Что ж, если увидите Сына Человеческого, восходящего туда, где был прежде?” (Ин. 6, 61, 62).

Теперь же, указав собеседнику на присносущее и Божественное достоинство Мессии, Спаситель раскрывает Ему и назначение последнего не как отомстителя за избранный народ, но как Искупителя рода человеческого. “И, как Моисей вознес змия в пустыне, так должно вознесу быть Сыну Человеческому, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную” (Ин. 3, 14).

“А как же произойдет обещанный пророками суд Мессии?” — спрашивает Никодим вслух или про себя. Ответ уже готов; сначала он кажется отрицательным, а затем выясняется, что суд сей не отрицается, но разумеется не в карательном смысле для земли, а только пока в нравственном, “ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него. Верующий в Него не судится, а не верующий уже осужден, потому что не уверовал в Его Единородного Сына Божия. Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы” (Ин. 3, 16-19) и т.д. Эту же мысль о духовном только осуждении неверующих и злых в этой жизни и о каре им в жизни будущей Господь неоднократно повторяет в четвертом Евангелии и в беседах с иудеями (Ин. 5, 22-29; 45-47; 12, 47, 48; 1, 22; 16, 811). Учение Христово о суде составило бы богатый материал для особенного исследования, но мы в данной работе

заинтересованы отношением к нему революционно-мессианских убеждений и чаяний иудейских. Мы видели, что Никодим стал верным учеником Христовым: он приобрел дорогие благовония, чтобы помазать Тело Его при погребении. Однако имя его, как и Лазаря, умалчивается первыми тремя евангелистами, а упоминается, при погребении только, Иосиф. В церковном синаксаре найдете вы вероятное пояснение сего умолчания. С Иосифом Синедрион разделался вскоре же по Воскресении Христовом, бросив его в глубокий ров; Никодим же, изгнанный из Синедриона, жил долго и пытался писать жизнеописание Спасителя (вероятно, совсем не то, которое известно под именем Евангелия Никодима), поэтому до падения еврейского правительства было опасно сообщать о его подвиге.

Теперь прибавим еще в заключение речи о беседе с Никодимом, что она в Евангелии от Иоанна является введением к изложению истории вражды против Христа еврейских патриотов-революционеров, ибо в ней приведено кратко, но полно то разногласие между Учением Спасителя о призвании Мессии и учением современных Ему иудеев (и их современных даже нам потомков), за которое они возненавидели Искупителя и распяли Его.

Нам нужно еще выяснить две вещи, понятные сами по себе для христианина, но небезыңтересные и для искреннего иудея. Он спросит: а кто правильное разумел пророков? Спаситель ли или иудеи-патриоты? и еще: вполне ли Христос отрицал фактическое царство израильское, иерусалимское? Был ли Он отрицателем патриотизма и космополитом в смысле Л. Толстого?

На первый вопрос мы уже, впрочем, ответили, пояснив, что Даниил предрекал о царстве святых, разумея под чадами его, вероятно, прежде всего иудеев, но определяя сынов этого царства не по происхождению, а по праведности их жизненных устоев. В таком же смысле определяли сынов Царства Божия, различая истинных иудеев от неистинных, апостолы Павел и Иоанн; от них имеем мы столько изречений в таком духе, что приводить их нет нужды.

Гораздо новее покажется для читателя то наблюдение над словами пророков, по коему для него вполне подтвердилось бы наше толкование Даниила, именно что не только новозаветные священные толкователи, но и ветхозаветные священные писатели, предсказывая Израилю и даже всему человечеству светлое будущее, имели в виду блага духовные, а не физические вопреки толкованию позднейших иудеев и нашего Вл. Соловьева!

Это видно из того, что предсказания эти почти всегда пересыпаются самыми мрачными картинами. Возьмите, например, книгу Исаии или Михея, начиная от 4-й главы: то все народы пойдут к Иерусалиму учиться истине и оттуда распространятся повсюду правосудие, и мир, и праведная власть, то дочери Израилевой суждены страдания, пленение и позор, то опять ополчится дочь Сиона на своих врагов и измолотит их и покорит Господу; но в следующем стихе говорится, что судии Израилевы будут бить тростью по ланитам. Но в следующих стихах той же главы рождается в Вифлееме Владыка Израилев, Предвечный, который будет пасти народы до краев земли и истребит неприятелей Израиля; а в следующем стихе говорится уже об истреблении конницы и городов самого Израиля и о грядущем суде Божиим со своим неверным и неблагодарным народом и предвзвещаются ему разнообразные и тяжкие бедствия. Изъяснение этих сочетающихся противоположностей в библейских пророчествах составило бы интереснейшую и весьма полезную для науки тему особого исследования. Мы же скажем кратко, что объяснение заключается в том, что предсказанные победы, примирение, обилие и процветание — все это должно было разуметь духовно в отношении к новому Израилю, к самим же верующим иудеям же и еллином (1 Кор. 1, 24). Радости их и победа их будут чисто духовные, вернее, уже давно получены были ими и получаются. Лев и ягненок давно пасутся вместе на церковном поле, вопреки Соловьевскому земному раю в конце времен. По Златоусту, пророчество Исаии (Ис. 11) осуществилось за трапезой у Левия, когда множество грешников и хищных мытарей назидались беседой Спасителя (Лк. 5, 2932), и продолжала осуществляться, когда начиная со времен апостольских и дикие варвары, и развращенные еллины объединялись в одно Христово стадо и бывшие тяжкие грешники перестали отличаться от праведников, вполне уподобившись им благодатию Божиею и собственным покаянием. Таково истинное толкование радостных картин будущего в пророчествах Ветхого Завета. Что же касается предсказаний печальных о разорении Иерусалима, о порабощении народа Божия врагами, о его пленении и рассеянии по всей Вселенной: то все это осуществилось и осуществляется над Израилем буквально, реально, как Господь и подтвердил это в притче о злых виноградарях, заключив ее словами: “Отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его” (Мф. 21, 43).

Однако современные Спасителю иудеи не желали стать на такую точку зрения и напряженно жаждали себе, своему племени внешнего довольства и славы, и только лучшие из них понимали пророчества правильно, как Захария, Симеон, Предтеча, Пречистая и даже Самарянка,

а также те слушатели Христовы, которые в разное время уверовали в Него (Ин. 8, 30; 10, 42; 11, 45; 12, 11).

В заключение спросим: вполне ли Господь отрицал мысль о царстве еврейского племени как царстве праведных, к которому, согласно Исаии и Михею, добровольно, а не в качестве покоренных оружием, присоединятся прочие народы, взыскающие Бога и праведной жизни (Ис. 2, 1-5; Мих. 4, 1-7). В этих пророчествах образы чисто евангельские: свободное объединение народов около Сиона, Суд Божий над всеми племенами, но суд не карательный, а учительный и примиряющий, последствием которого будет прекращение войн, мирный земледельческий труд и научение Закону Божию и праведной жизни.

Господь не отрицался от иудейского народа даже как племени, если бы оно не противилось своему призванию, как пояснено в притче о злых виноградарях. Он не отрицался от звания царя иудейского, но разумел его именно в том смысле, как Исаия, Михей и Захария (о вшествии Его на ослати). Вот почему Он и Пилату не говорит прямо: “Ты говоришь, что Я Царь” (Ин. 19, 37), но “царство Мое не отсюда” (Ин. 19, 36).

Напрасно некоторые современные писатели утверждают, будто бы Спаситель отрицает патриотизм и как преимущественную любовь к родине и как любовь к своему народу. Кто не помнит Его слов, которые Он говорит со слезами, приближаясь к Иерусалиму в день просветления души народной: “Когда приблизился к городу, то, смотря на него, заплакал о нем и сказал: о если бы ты хотя в сей твой день узнал, что служишь к твоему миру, но это сокрыто ныне от глаз твоих!”. Далее Господь предвозвещает оплаканному Им городу разорение от врагов “за то, что ты не узнал времени посещения твоего” (Лк. 19, 41-44).

Здесь обнаружилось самое теплое чувство Спасителя не только к людям, но и к городу, как к родной исторической святыне; то же значение имеет Его ревность о храме Иерусалимском, выразившаяся в трехкратном изгнании оттуда торговцев и в словах: “Дом Мой есть дом молитвы, а вы сделали вертепом разбойников” (ст. 46). И в других изречениях Своих Господь называет храм жилищем Бога (Мф. 23, 21), а Иерусалим — городом Великого Царя (Мф. 5, 35).

Кто же этот Царь, как не Он Сам, обетованный Мессия? Он Царь, но безоружный, сидящий на “жребяти осли” (Мф. 21, 4, 5), окруженный радостною толпою свободных поклонников. Еще более умилительны слова Христовы, коими Он заключил обличительную речь на Своих врагов: “Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел я собрать

детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели” (Мф. 23, 37).

Но этот вопль отвергнутой материнской любви заключен был и приговором отвержения: “Се, оставляется вам дом ваш пуст. Ибо сказываю вам не увидите Меня отныне, доколе не воскликнете: благословен Грядый во имя Господне!” (Мф. 23, 38, 39), т.е. до Страшного Суда.

Нам задают вопрос: а что было бы, если бы Израиль принял Спасителя? Было бы, конечно, почти то же, что было в христианско-еврейской общине первых глав книги Деяний. Было бы царство не от мира, т.е. без оружия и угнетения, царство любви с Царем Славы, царство, за благополучие которого песя бы Сам Господь, Который чудесною силою оградил дисциплину первоначальной Церкви, казнив ее нарушителей Ананию и Сапфиру, после чего “великий страх объял Церковь и всех слышавших это... Из посторонних же никто не смел пристать к ним, а народ прославлял их” (т.е. уверовавших во Христа) (Деян. 5, 11-13).

Если б сами иудеи не разогнали Церкви, если б не отвергли Христа, то Его всемирное царство было бы в Иерусалиме, и, вероятно, с еврейскою речью и книгами. Но евреи отвергли и Самого Христа, и Его святую дружину и вторично оказались богоборцами, по словам Гамалиила (Деян. 5, 33), а Церковь Свою Господь обрек на многовековое мученичество и борьбу.